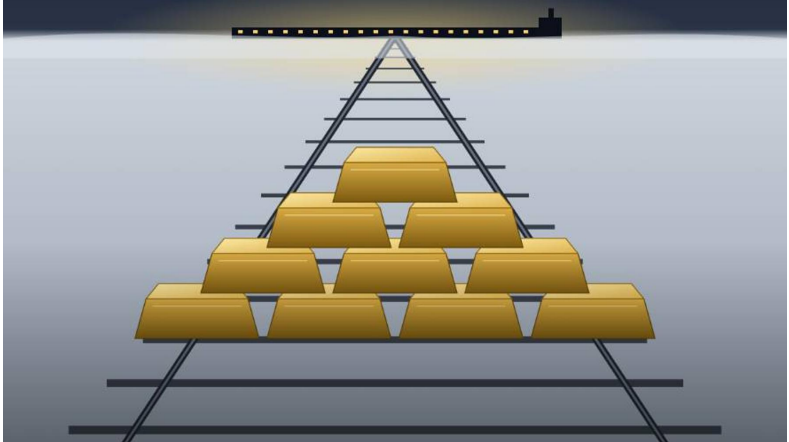
КОНСТАНТИН ПОГУДИН

ТЯЖЕСТЬ

Роман о золоте,
которое никто не считал до конца



Константин Погудин
ТЯЖЕСТЬ

https://litres.ru/75007242
SelfPub; 2026

Аннотация

Казань, август 1918 года. В подвалах Госбанка лежит больше половины золотого запаса России, и подполковник Каппель телеграфирует: трофеи не поддаются подсчёту. Но старый кассир Павел Лисицын умеет считать и замечает, что цифры не сходятся. Золото идёт по Волге, через Омск и сибирскую тайгу к Иркутску. Рядом с ним оказываются адмирал Колчак, генерал Каппель, Анна Тимирёва, чехословацкие легионеры и сестра милосердия Вера, у которой своя тайна. Роман опирается на подлинные события: из шестисот пятидесяти миллионов рублей, захваченных в Казани, в 1920 году большевикам передали четыреста девять. Куда исчезли остальные, историки спорят до сих пор. Это книга о цене чужого золота и о людях, которые записывали правду, когда её некому было читать.

Содержание

Пролог. Нижнеудинск, январь 1920 года 4
Часть первая. Казань 6
Глава первая. Ночь на седьмое августа 6
Глава вторая. Подполковник 11
Часть вторая. Река 16
Глава третья. Пароходы 16
Глава четвёртая. Омск, ноябрь 21
Глава пятая. Адмирал 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Константин Погудин
ТЯЖЕСТЬ

Пролог. Нижнеудинск, январь 1920 года

Мороз в ту зиму не просто стоял над Сибирью. Он вытравлял из воздуха всё излишнее: звуки, запахи, надежды. Составы коченели на путях, будто рыбы во льду, и паровозы, остывшие, как павшие кони, внушали людям суеверный ужас.

Некий молодой офицер по фамилии Митропольский сумел, неведомо как, прорваться сквозь оцепление и пошёл вдоль эшелона, заглядывая в обледенелые окна. Он не искал ничего определённого. Он искал то, во что ещё дозволено верить.

В одном из окон, за белой кисеёй инея, сидел человек в чёрной шинели. Лицо его было таково, каким на старинных гравюрах изображают полярных капитанов: сухое, обветренное, с глазами, привыкшими к далёким горизонтам.

Офицер вытянулся и приложил ладонь к козырьку.

Адмирал склонил голову. Поезд тронулся. Через два дня его выдадут людям, которые и сами не удержатся у власти

долее недели.

Но не о нём сия повесть. Она о том, что ехало в соседних вагонах.

Часть первая. Казань

Глава первая. Ночь на седьмое августа

Павел Аркадьевич Лисицын знал вес золота лучше, нежели вес собственной жизни.

Тридцать один год служил он по ведомству Государственного банка, из них одиннадцать лет в казанском отделении. Он мог на ощупь отличить русский империал от французского наполеондора; по одному звону слитка умел сказать, не слишком ли много в нём меди. И знал твёрдо: золото тяжелее, чем кажется. Тяжелее не весом, но смыслом. Оно давит на тех, кто пребывает возле него, как давит на пол не сдвигаемый несгораемый шкаф.

В тысяча девятьсот пятнадцатом году в Казань привезли первые ящики из Петрограда. Тогда сие именовалось «предосторожностью». Столица была слишком близка к неприятелю, а Казань почиталась достаточно глубоким тылом: университет, самовары, провинциальная дрёма, подводы с яблоками на Хлебной площади. Ящики снесли в подвалы, и Лисицын лично пересчитывал их, покуда цифры не принимались плясать у него перед глазами. Затем ящиков

становилось всё более и более. Война выжимала державу, как мокрую холстину, и всё, что оставалось ценного, стекало сюда.

К лету восемнадцатого года в казанских подвалах лежало более половины всего, чем располагала Россия. Лисицын постигал это умом, но не мог принять сердцем. То была сумма, которую не удержать в голове, как не удержать в горсти реку.

Всё лето в Казани говорили шёпотом. Большевики, не доверявшие тишине, гнали к городу из Нижнего баржи и пароходы. От здания банка до пристани проложили рельсовую ветку, дабы ящики шли «ровно и без шума». Но что-то в сём шуме надломилось, и ход эвакуации споткнулся о собственную поспешность. Лисицын видел это ежедневно. Ему мнилось, что вся махина, державшаяся прежде на сургучных печатях и циркулярах, оказалась домом, возведённым на песке, и песок тот уходил из-под него прямо в Волгу.

В ночь на седьмое августа его пробудили не выстрелы.

Его пробудила тишина. Та особенная, что наступает за минуту до того, как рухнет нечто огромное.

Он лежал, взирая на потолок, на трещину в побелке, похожую на карту несуществующей страны, и слушал. Город безмолвствовал. Потом, далеко, на пределе слуха, возникло подобие глухого кашля: то была артиллерия, но не та, что бьёт по площадям, а та, что прочищает горло пред речью.

Он облачился в сюртук, которого не надевал с весны, ибо новая власть сюртуков не жаловала, и отправился в банк

пешком.

Улицы были пустынны. На углу стоял красноармеец с винтовкой. Он смотрел не на Лисицына и не на дорогу, а куда-то вверх, в небо, словно ждал оттуда распоряжений. На Лисицына он внимания не обратил, и сие было страшнее любого окрика.

У банка кипела лихорадочная, безнадёжная работа. Ящики, десятки ящиков, выносили к пристани, к подводам, ко всему, что могло катиться или плыть. Люди двигались без команд, ссутулившись, и оттого казались схожими меж собою, как муравьи, спасающие яйца от потопа. Лисицын приметил знакомого кассира Гордеева, у коего тряслись руки. Рядом стоял комиссар в кожаной тужурке и кричал нечто, чего никто не слушал.

— Сколько? — спросил Лисицын.

— Не знаю, Павел Аркадьевич. Не дают считать.

Лисицын ощутил, как внутри у него что-то оборвалось. Не страх, но боль ремесленная, какую испытывает музыкант, понуждаемый играть фальшиво. «Не дают считать». Сто ящиков ушло к пристани: он видел это собственными глазами. Всё прочее оставалось внизу, в подвалах, под сводами, помнившими ещё императора Александра Второго.

Затем на реке грянуло по-настоящему.

Он вышел на крыльцо в ту секунду, когда небо над Волгой побелело. То были не зарницы. Били орудия, и в их свете он увидел пароходы у пристани, чёрные, как угольные силуэты,

и сотни фигур, бегущих к берегу. А потом, словно кто-то повернул рукоять огромного часового механизма, всё сделалось ясным и быстрым: выстрелы, крики, топот.

К полудню город принадлежал другим.

Подполковник, вступивший в банк, был вовсе не таков, каким Лисицын воображал белого завоевателя. Невысокий, подтянутый, с лицом скорее учительским, нежели воинским: прямой нос, усталые умные глаза, небольшие усы. Он снял фуражку прежде, чем переступить порог, и это почему-то поразило Лисицына более всего.

— Вы здесь служите? — спросил подполковник негромко.

— Одиннадцатый год, ваше… господин подполковник.

— Моя фамилия Каппель. Покажите мне хранилище.

Лисицын пошёл впереди, и ему казалось, что он ведёт не человека, а самую Историю, терпеливую и безучастную, по лестнице вниз, в сырую прохладу подвалов. Ключи звенели в его руке. Он отомкнул последнюю дверь.

Каппель шагнул внутрь и замер.

Золото лежало ровными рядами, в ящиках с выжженными клеймами, в слитках, в мешках с монетой, в таком множестве, что глаз отказывался принять его. Оно не блистало. В полумраке подвала оно казалось тусклым и тяжким, как застывшее время. Лисицыну подумалось вдруг, что именно так должна выглядеть чья-либо судьба: без сияния, без красоты, одна лишь тяжесть.

Каппель молчал так долго, что Лисицыну стало не по себе.

— Это всё? — спросил он наконец.

— Нет, — тихо отвечал Лисицын. — Это то, что не успели вывезти.

Подполковник кивнул. Затем обратился к адъютанту и произнёс фразу, которую Лисицын запомнит до конца своих дней. Не оттого, что она была громка, а оттого, что не было в ней ни радости, ни торжества, но лишь оторопь человека, постигшего размеры ноши:

— Телеграфируйте полковнику Чечеку. Скажите: трофеи не поддаются подсчёту.

Он ошибался. Подсчёту они поддавались. Вся последующая история сведётся к одному вопросу: отчего цифры никогда не сходятся.

А Павел Аркадьевич Лисицын, человек, всю жизнь пересчитывавший чужое золото, в сию минуту сделал то, о чём впоследствии не поведает никому. Он заметил, что в третьем ряду слева один ящик стоит несколько иначе, чем надлежит. Не так, как ставил его он сам. Не так, как ставил Гордеев.

Он промолчал. Он ещё не ведал почему. Просто на тридцать второй год службы в нём впервые пробудилось то, чего Государственный банк не учитывал ни в одной ведомости: чутьё человека, понявшего, что в этой истории найдётся некто, кто возьмёт лишнее.

И понял, что рано или поздно сим некто придётся стать ему самому.

Глава вторая. Подполковник

Владимир Оскарович Каппель не любил, когда его называли героем. В сём слове ему слышалась типографская краска, а он привык к иным запахам: к конской сбруе, к пороховой гари, к сырой шинельной шерсти.

В начале августа восемнадцатого года, стоя на палубе парохода, что шёл против течения к Казани, он думал не о подвигах. Он думал о цифрах. У него было около полутора тысяч штыков, несколько орудий и чешский полк, чей командир, полковник Чечек, снисходительно именовался его начальником. У большевиков был город с каменными стенами, с арсеналом, с Волжской флотилией и с молвой, уже ходившей по рекам, будто сам Троцкий едет под Казань, чтобы остановить дерзкого подполковника.

Молва, впрочем, льстила ему меньше, чем можно было ожидать. Большевистские газеты назначили за его голову пятьдесят тысяч рублей и в тех же строках, не умея скрыть невольного уважения, называли его Маленьким Бонапартом. Он читал сии листки с усмешкой, какую позволяют себе люди, твёрдо знающие, что Наполеоном не будут. Он был учителем по складу души, лишь по несчастью обратившимся в воина. Всю жизнь он старался делать малое дело точно: вывести роту из-под огня, не потеряв ни одного человека сверх необходимого, принять решение в ту минуту, когда оно ещё

в силах что-то изменить.

Пароходы подошли к казанской пристани в ночь на шестое августа. Высадка была скорой и злой. Он помнил темноту, плеск воды под днищем, чей-то сдавленный кашель, мокрые доски сходен. Потом был рассвет, и город, до тех пор лежавший тихо, как больной, затаивший дыхание, вдруг закричал сотнями голосов, и по улицам пошла та беспорядочная пальба, в которой нельзя понять, где свои, где чужие.

К полудню седьмого числа всё было кончено. Народная армия Комуча и чешские части владели городом. Каппель сидел на ступенях какого-то присутственного места, когда к нему подбежал молодой адъютант и доложил, что в здании Государственного банка найдены некие ящики.

— Какие ящики?

— Не могу знать, господин подполковник. Велено доложить, что их много.

Он пошёл туда без охоты. Ему думалось, что речь идёт о казённых бумагах или об ассигнациях, которых и без того в тот год печаталось больше, чем можно было сосчитать. В банке его встретил немолодой служащий в старомодном сюртуке, с лицом человека, привыкшего никому не показывать своих чувств. Он повёл подполковника вниз по лестнице, звеня ключами, и Каппель, как всегда, снял фуражку, ступив на порог. Так учила его мать: входить в чужое хранилище с непокрытой головой.

Что было дальше, он потом вспоминал отрывочно, как

вспоминают дурной сон. Подвал, сводчатый потолок, сырость. Ряды ящиков. Мешки. Тусклый жёлтый отсвет в полутьме. Он не сразу понял, что именно видит, потому что такого просто не бывало на свете: ни в сказках, ни в романах, ни в рапортах интендантов.

Первое чувство его не было радостью. Он, всю жизнь ходивший с долгами, как большинство офицеров, не умевший откладывать на чёрный день, потому что чёрных дней у него хватало и без того, вдруг ощутил себя человеком, которому на плечи положили чужое дитя, да такое, что нельзя ни выронить, ни передать в чужие руки.

— Это всё? — спросил он у кассира, и сам услышал, как глупо прозвучал вопрос.

— Нет, — отвечал тот. — Это то, что не успели вывезти.

Он кивнул. Потом велел адъютанту послать телеграмму полковнику Чечеку. Нужные слова пришли сами, потому что в голове у него в эту минуту была совершенная пустота: что-то о трофеях, которые не поддаются подсчёту, и о золотом запасе России в шестьсот пятьдесят миллионов. Только позже, когда телеграфист уже простучал фразу, ему сделалось не по себе. Он понял, что слова произнесены, а слов обратно не заберёшь. Телеграмма пойдёт по проводам, её прочтут и в Самаре, и в Уфе, и в Омске, и за границей. Теперь у него не будет ни одного спокойного дня.

Так и вышло.

Он поставил у банка караулы, самых надёжных людей.

Распорядился никого не арестовывать из банковского люда, ибо понимал, что без них золота не пересчитать. Старой книге учёта верил больше, чем собственным глазам. Каждую ночь он обходил подвалы сам, в одиночку, подолгу стоял среди ящиков и слушал тишину. В ней было что-то невыносимое, как в доме, где лежит покойник.

А над городом уже собирались тучи. Из Свияжска, из-под Нижнего, по железной дороге и по реке к Казани тянулась красная сила. Троцкий в самом деле приехал. Каппель знал это по донесениям и по гулу, с каждым днём всё ближе подступавшему с запада. Сто его людей приходились на тысячу противника. Золото нельзя было ни спрятать, ни защитить.

— Грузите, — сказал он. — Всё, что успеете. На пароходы, в Самару.

Погрузка шла пять суток. Он следил за ней с палубы, видел, как таскали ящики по сходням, как гнулись сходни, как старый кассир, этот молчаливый человек с карандашом, пересчитывал каждый ящик, шевеля губами. Каппель вдруг подумал: «Вот единственный из нас, кто делает дело, которого не испортит ни одна власть». И ещё: «Если он доживёт, то будет знать правду».

Десятого сентября красные вернули Казань. В то утро Каппель, уже отходивший вдоль реки, обернулся и увидел над городом знакомый дым. Он не любил оглядываться. Но тут обернулся и долго смотрел, пока дым не слился с серым небом.

Золота в Казани уже не было. Оно плыло вниз по Волге, в темноту, к странной республике, где сидели честные люди, не умевшие воевать, и к дальней Сибири, где его ждали другие.

Он не знал, что сам отправится вслед за ним и что дорога эта займёт полтора года и кончится в тайге, у крестьянской избы, под низким потолком, на который он будет смотреть без жалобы, потому что смотреть ему будет более не на что.

Но тогда, на пароходной палубе, он ещё шёл вперёд, как и положено живому. Он не любил слова «герой» и по-прежнему не верил, что оно к нему относится.

Часть вторая. Река

Глава третья. Пароходы

Волга в августе пахнет нефтью, рыбой и дымом. В тысяча девятьсот восемнадцатом году к сим запахам прибавился ещё один, сухой и металлический: так пахнет страх, когда его перевозят в деревянных ящиках.

Лисицына не арестовали. Сие было первым чудом, и он принял его с недоверием: так человек, переживший обвал, долго потом ступает по ровной земле осторожно. Подполковник Каппель, не повышая голоса, распорядился: банковских служащих не трогать, ключи оставить тем, кто ими ведает, опись вести по старым книгам. Старая опись была единственным, чему новые хозяева Казани верили безусловно. Золото не знало, красное оно или белое, а считать его умели лишь те, кто привык считать при государе императоре.

Погрузка продолжалась пять суток. Ящики таскали по сходням на пароходы, и сходни прогибались, как спины бурлаков. Лисицын стоял у борта с карандашом и ведомостью, а рядом, подобно тени, возникал и исчезал то один, то другой офицер.

Одним из них был капитан Ярослав Дворжак, чех, вы-

сокий, сутулый, с мягкими, почти женскими манерами и холодными глазами. В Казань он пришёл с легионерами полковника Станислава Чечека и числился «связным». Что именно он связывал, Лисицын уразумел не сразу.

— Вы весьма внимательны, господин Лисицын, — произнёс Дворжак на третий день, когда они остались вдвоём на пустой палубе. — Я наблюдал, как вы считаете. Вы не доверяете цифрам, вы доверяете ящикам. Это редкость.

— Это привычка, капитан.

— Привычка к честности — тоже редкость. В нашей стране, — он слегка усмехнулся, — и в вашей. Я желаю, чтобы вы знали: мой полковник высоко ценит порядок. Ежели случится так, что порядок потребуется несколько подправить, вы окажетесь человеком полезным.

Лисицын посмотрел на него и понял, что ему только что сделали предложение. Не впервые в жизни услышал он слово «польза», произнесённое так, что за ним проступали очертания петли.

— Золото принадлежит России, капитан.

— Безусловно, — мягко согласился Дворжак. — Вопрос лишь в том, какой именно.

Он удалился, а Лисицын остался глядеть на воду. Внизу, у самой кромки борта, плескалась мутная казанская Волга. Он подумал: «Через неделю сих ящиков здесь не будет, а вопрос останется».

Через Самару золото прошло, как больной через приёмный покой: быстро, с суетой, с чужими руками на каждом ящике.

Самара в те дни была столицей. Столицей самой странной на свете: республикой без границ, правительством без казны, властью, державшейся на красных ленточках и честном слове. Здесь заседал Комитет членов Учредительного собрания, Комуч, в котором сидели эсеры и меньшевики, ещё недавно ходившие по тюрьмам, а ныне вершившие судьбы России. Возглавлял их Владимир Вольский, человек крупный, горячий, с лицом трибуна и взглядом счетовода.

Лисицына привели к Вольскому в залитый светом кабинет, где пахло табаком и мокрыми шинелями.

— Сколько мы имеем? — спросил Вольский без предисловий.

— Свыше шестисот миллионов золотом, Владимир Кузьмич. Точнее скажу после поверки.

— Свыше шестисот… — Вольский помолчал. — Понимаете ли вы, что это означает?

— Понимаю, что это весьма тяжело.

Вольский рассмеялся, коротко и невесело.

— Вы поэт, — сказал он. — Но вы правы. Тяжело. Ибо у нас нет ни армии, ни снарядов, ни хлеба, а есть сии сундуки. И все вокруг взирают на них, как нищие на пирог. Союзники взирают. Чехи взирают. Даже собственные эсеры взирают, а мы, изволите видеть, люди идейные.

В тот вечер Лисицын записал в маленькую тетрадь, которой никому не показывал:

«Вольский честен, а потому беспомощен. Чешский капитан нечестен, но весьма толков. Каппель честен и толков вместе, но слишком занят войною, чтобы смотреть под ноги. Золото взирает на всех с равным равнодушием».

Он захлопнул тетрадь. Но в тот же вечер, во мраке самарской пристани, он увидал иное. Двое без фонаря, без охраны возились у одного из ящиков на дальнем пароходе. Тот самый ящик. Тот, что стоял не на своём месте в казанском подвале. Он не успел разглядеть лиц, лишь силуэты: один высокий и сутулый.

Лисицын шагнул вперёд, и в сей миг кто-то взял его за локоть.

— Не надо, — сказал Каппель.

Он стоял в тени, без фуражки, с усталым лицом. Лисицын даже не слыхал, как тот приблизился.

— Вы видели?

— Видел.

— Но вы…

— Я вижу всё, Павел Аркадьевич. Но у меня нет сорока лишних людей, чтобы пресечь сие. Есть фронт, держащийся на честном слове, и союзники, без которых он рухнет. Если я теперь арестую чешского офицера, их полковник уведёт легион за Урал, и мы потеряем всё. Не одно золото.

— Стало быть, глядеть и молчать?

— Стало быть, считать, — тихо сказал Каппель. — Считайте, Павел Аркадьевич. Каждый ящик, каждый слиток. Придёт время, когда понадобится не пуля, а запись. Я не знаю, доживу ли я. Вы, надеюсь, доживёте.

Лисицын долго глядел ему в лицо. Перед ним был человек, которому суждено умереть в ледяной сибирской тайге через полтора года, с обмороженными ногами и воспалением лёгких. Он ещё не знал сего. И Лисицын не знал. Но в глазах подполковника уже мерцало то, что бывает у людей, угадавших свою участь: ясность, не оставляющая места жалости к себе.

Глава четвёртая. Омск, ноябрь

К октябрю золото добралось до Омска.

Омск в ту осень был городом, где разом очутилось слишком много народа: генералы с неопределёнными полномочиями, министры без министерств, английские офицеры в безупречных шинелях, французские консулы, казачьи атаманы, сибирские кооператоры, беглецы из Москвы и Петрограда, спекулянты всех мастей. Все ожидали, кто возьмёт власть.

Ждать пришлось недолго. В ночь на восемнадцатое ноября казачьи офицеры арестовали членов Директории, правительства, наскоро составленного из осколков Комуча и сибирских деятелей. Власть перешла в руки адмирала Александра Васильевича Колчака, лишь недавно прибывшего с Дальнего Востока и принявшего пост военного министра. Его нарекли Верховным правителем России.

Первое распоряжение, отданное им по финансовой части, многих поразило.

— Золото есть достояние России, — сказал он министру финансов Ивану Михайлову. — Мы не вправе распоряжаться им, как личным кошельком. Оно не наша собственность. Мы лишь стражи.

Михайлов, прозванный в Омске Ванькой-Каином за неистовую любовь к порядку и деньгам, поджал губы. Он был человеком практическим и понимал, что армия без патронов

не воюет, а патроны без золота не покупаются.

— Ваше высокопревосходительство, — молвил он осторожно, — иных средств для закупки вооружения у нас нет.

— Так сыщите, — резко ответил Колчак. — Займите. Печатайте ассигнации. Только золота не трогайте.

Лисицына привезли в Омск вместе с ящиками. Он уже постигал, что сам сделался частью груза, как слиток, как мешок с монетой. Его поселили в тесной каморке над сапожной мастерской, поставили на довольствие и позабыли. Лишь раз в седмицу его призывали в отделение Госбанка, где он вновь и вновь сверял книги.

Итог был ему известен наперёд. Цифры сходились, но не вполне. Расхождения были малы, почти неприметны, в пределах «естественной усушки», как изъяснялись банковские чины. Но Лисицын усматривал закономерность. Расхождения возникали там, где золото проходило через руки определённых лиц. А определённые лица, как ни странно, неизменно оказывались при штабах и миссиях, при чехословацких комендатурах, при иностранных представительствах, которые в те месяцы множились в Омске, как грибы после дождя.

Однажды в январе девятнадцатого года к нему явился человек. Не Дворжак, но иной: невысокий, штатский, в тяжёлой шубе, говоривший по-русски почти без ошибок, хотя с безупречным английским выговором.

— Господин Лисицын? Моя фамилия Грэхем. Я представляю, скажем так, интересы союзных держав. Мы очень ценим

труд, который вы совершаете. Нас, изволите видеть, тревожит судьба этого золота.

— Тревожит?

— Оно может попасть не в те руки, — Грэхем учтиво улыбнулся. — Нам желательно иметь надёжного человека, который бы осведомлял нас о состоянии хранилища. Разумеется, в интересах самой России. Вы ведь не хотите, чтобы оно досталось большевикам?

Лисицын молчал. Он вспомнил Вольского с его счетоводческим взглядом, Дворжака с его мягкими манерами, Каппеля в самарской темноте. Он вспомнил, что все они твердили одно и то же, разными словами: «в интересах России».

— Я подумаю, — сказал он.

Когда Грэхем ушёл, он достал тетрадь и записал: «Ныне я знаю, на что похоже золото. Оно как зеркало: каждый, кто в него заглядывает, видит свою собственную Россию. И каждый убеждён, что лишь его Россия подлинна».

Он затворил тетрадь и подошёл к окну. Внизу, на замёрзшей Оми, горели костры: там грелись беженцы. Снег падал густо и беззвучно, и в сей тишине ему почудился далёкий-далёкий гул. Не орудий. Колёс. Эшелонов, которые ещё только готовились идти на восток.

Глава пятая. Адмирал

Александр Васильевич Колчак просыпался до рассвета, как привык в плаваниях. Каюты, впрочем, не было. Была холодная комната в омском доме, куда его поселили вместе с титулом Верховного правителя, и за окном лежала та же белая русская равнина, что и десять лет назад, только теперь в ней не было ни льдов, ни моря, а одна бесконечность.

Он лежал, не открывая глаз, и слушал, как в печи тлеют угли. Одно и то же он думал каждое утро, и каждое утро это было мучительнее. Он думал: «Я не должен быть здесь».

Он был моряк, учёный, гидрограф. В молодости, на севере, он искал пропавшую экспедицию барона Толля. Колчак шёл на вельботе по Ледовитому океану, среди тяжёлых льдов, и нашёл всё, что оставалось от Толля: записки, следы, холодную правду о том, что людей уже нет. Тогда он понял главное свойство своего ума. Искать пропавшее, измерять утраченное, составлять опись того, что ещё можно спасти. Это было его ремеслом. Теперь он, видимо, должен был искать пропавшую Россию, и никто не знал, жива ли она.

Он вспоминал июнь семнадцатого года в Севастополе. Матросский сход, требование сдать оружие. Говорили потом, будто он, не желая отдавать матросам золотую саблю, пожалованную государем за Порт-Артур, бросил её в воду. Он не подтверждал сей легенды и не опровергал. Но в мину-

ты, подобные этой, ему казалось, что вся его жизнь состоит из одних утрат: сабля, флот, жена, сын, Родина. Не осталось почти ничего. Оставалась обязанность.

Сегодня утром ему должны были принести отчёт.

Отчёт принёс министр финансов Иван Михайлов, сухой и подобранный, с тем видом, какой бывает у людей, решивших не поддаваться ни страху, ни совести. Была весна девятнадцатого года. Золото, привезённое из Казани, пересчитали и взвесили заново, слиток за слитком, монету за монетой. Итог был записан на плотном листе, и Колчак долго смотрел на него, не читая.

— Шестьсот пятьдесят один миллион пятьсот тридцать две тысячи сто семнадцать рублей, — сказал Михайлов. — Пятьсот пять тонн по весу. Это всё, что хранится в омском отделении Государственного банка.

— Всё?

— Всё, ваше высокопревосходительство. Остальное лежит в хранилищах, о которых мы можем только гадать.

Адмирал помолчал. На листе он видел не цифру, а лица: тех самых безвестных людей, что ради этого золота умирали и убивали, ехали по замёрзшим рекам, предавали и верили. «Каждый рубль здесь, — подумал он, — стоит чьей-то жизни, а потому каждый рубль тяжелее всех денег мира».

— Я сказал вам в ноябре, что мы не вправе им распоряжаться, — произнёс он.

— Вы сказали, и я исполнял, — отвечал Михайлов. — Но

армия не может питаться присягой. Англичане просят расписки, чехи требуют жалованья, а у нас нет ни одного станка, который печатал бы пули. Если мы не купим оружия, нас раздавят к лету. Если купим, то заплатим золотом, потому что иного обеспечения у России нет.

— Значит, вы просите разрешения.

— Я прошу вас решить.

Колчак встал и подошёл к окну. Он думал не долго. Решение сложилось в нём ещё несколько недель назад, как складывается шторм: незаметно, но неотвратимо. Просто до сей минуты у него не хватало мужества признать его.

— Хорошо, — сказал он. — Часть золота пойдёт во Владивосток. В залог за кредиты и на закупку вооружения. Но только часть, Иван Андреевич. И пусть каждый слиток записывается так, как если бы я лично подписывал каждый.

Михайлов низко поклонился. В поклоне не было почтения, было облегчение. Он вышел, а Колчак остался один с чувством, которого не умел назвать. Только к вечеру он понял, что это стыд. Не за решение. Он не считал решение ложным. Стыд оттого, что он, человек, всю жизнь стремившийся к ясности, впервые подписал бумагу, смысла которой не мог проверить. Ему предстояло поверить в честность людей, сидевших во Владивостоке, в Токио, в Париже. А верить Колчак умел плохо.

Вечером к нему вошла Анна Васильевна.

Она работала переводчицей при его штабе и приходила в

положенные часы с папкой донесений на английском и французском. Но в этот раз у неё в руках не было никакой папки. Была только чашка чаю, поставленная на край стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.